

ного антиномизма, который лежит въ основѣ этики христіанства. И толстовское пониманіе его этики отличается именно тѣмъ, что въ немъ переиначены положенія, свойственныя обоимъ членамъ христіанской антиноміи, первый истолкованъ въ смыслѣ второго, и наоборотъ.

Стремленіе къ простотѣ ради духовной жизни, насколько послѣдняя была доступна Толстому, приводитъ его къ высокой оцѣнкѣ аскетическаго начала въ христіанствѣ. Но практика аскетизма, то опрощеніе, которое имѣетъ значеніе лишь метода, средства, неожиданно получаетъ у Толстого огромное и совершенно самостоятельное значеніе,—оно притязаетъ быть единственнымъ разрѣшеніемъ проблемы культуры. Аскетизмъ подмѣняется такимъ образомъ фізіократизмомъ. Путь освобожденія души отъ земныхъ узъ незамѣтно превращается въ способъ наилучшаго разрѣшенія вопросовъ общественнаго строя, устройства земнаго града, рядомъ съ Евангеліемъ характерно появляется „Жоржа“, роль котораго въ другихъ ученіяхъ объ устройствѣ земнаго града исполняютъ Ласкаль, Марксъ и другіе соціальныя пророки. Религіозный проповѣдникъ превращается въ соціальнаго утописта, однако эта соціальная утопія проповѣдуется одновременно во имя какъ спасенія души, такъ и наименее практичнаго соціальнаго устройства. Путь къ христіанской духовной жизни отрѣзывается толстовскимъ раціонализмомъ, а путь къ соціальному реформаторству его религіознымъ утопизмомъ, связаннымъ съ абсолютизмомъ требованій и средствъ: толстовство чрезмерно раціоналистично для религіи и недостаточно раціоналистично для мірской жизни ¹⁾. Какъ религіоз-

1) Разница между опрощеніемъ, какъ методомъ христіанскаго аскетизма и какъ осуществленіемъ толстовскаго фізіократизма, становится ощутительною, если мысленно мы проведемъ параллель между христіанскимъ монастыремъ и толстовскою колоніей. Начать съ того, что монастырь сохраняетъ свое значеніе для лицъ всѣхъ положеній, ибо блага духовной жизни не зависятъ отъ этихъ положеній, толстовская же колонія по настоящему существуетъ лишь для лицъ привилегированнаго сословія, которымъ есть отъ чего опрощаться, но лишена всякаго смысла для массы трудящагося народа. Затѣмъ, трудъ монастырскій, отъ самаго тяжелаго до самаго легкаго, имѣетъ значеніе „послушанія“, аскетическаго средства отсѣченія своей воли, въ чемъ бы оно ни выражалось (иногда старцами въ качествѣ послушанія намѣренно назначается совершеніе дѣйствій внѣшне непфлесообразныхъ), въ толстовскою же колоніи спасительное духовное дѣйствіе приписывается именно физическому труду, самоличному производству всего для себя